

чтилъ отца своего и мать и считалъ болѣе удобнымъ для вспоможенія имъ служить здѣсь въ семинаріи. Да.., у рѣдкихъ родителей бываютъ такіе сыновья!

И такъ, чего-же мы пожелаемъ покойному, который безмолвно лежитъ во гробѣ предъ нами? Того, чего желаетъ умершимъ во Христѣ—всѣмъ нашимъ братьямъ—св. православная Церковь, въ молитвѣ при послѣдованіи по исходѣ души отъ тѣла: *„Боже духовъ и всякія плоти, смерть попривый, и діавола упразднивый, и животъ міру твоему даровавый самъ, Господи, покой душу усопшаго раба Твоего Теодора въ мѣстѣ свѣтлѣ, въ мѣстѣ злачнѣ, въ мѣстѣ покойнѣ, отнюдуже отбѣже болѣзнь, печаль и въздыханіе: всякое согрѣшеніе содѣланное имъ, словомъ и дѣломъ или помышленіемъ, яко благий человекъ-любвецъ Богъ прости: яко нѣсть человекъ, иже живъ будетъ, и не согрѣшитъ. Ты бо единъ кромѣ грѣха, правда Твоя, правда во вѣки и слово Твое истина.*

П О У Ч Е Н І Е,

произнесенное во время отпѣванія Ѡ. Е. Кошлакова, по прочтеніи Апостола, о. ректоромъ семинаріи, протоіереемъ П. А. Поповымъ.

Братіе, поучаетъ насъ первоверховный апостолъ Павелъ, не хочу васъ не вѣдѣти о умершихъ, да не скорбите. (Солуп. IV, 13).

Не скорбите, брат. объ умершемъ, лежащемъ во гробѣ, пашемъ во Христѣ братѣ. Не скорбите престарѣлые родители и юныя сестры; не скорбите и вы, сотоварищи по службѣ,—и вы юные воспитанники, недавно, вчера, слышавшіе энергическое слово молодого наставника... Не скорбите и всѣ присутствующіе во храмѣ, всѣ, кому дорогъ молодой развитый умъ, юное, бющееся любовію сердце, крѣпкая молодая воля... Не скорбите...

Но можно-ли не скорбѣть? Престарѣлый родитель, послужившій 30 лѣтъ на пользу образованія юношества, хоронитъ двадцати-шести-лѣтняго образованнаго сына! Покойный умеръ 26 лѣтъ, въ такіе годы, когда жить хочется. Восемь лѣтъ дѣтства, 16 усиленныхъ занятій при самоотверженіи, при отреченіи отъ естественныхъ проявленій природы, свойственныхъ отроческому и юношескому возрастамъ, и полтора года службы при семинаріи, полтора года честнаго и усерднаго служенія дѣлу образованія юношества,—вотъ и вся жизнь покойника! Покойный готовится только жить и плодами своихъ трудовъ для себя не успѣлъ воспользоваться; онъ даже не ви-

дѣлъ еще послѣдствій своихъ усиленныхъ занятій въ должности наставника. Но покойный хотѣлъ жить, онъ даже предполагалъ въ скоромъ времени воспользоваться правами человѣка, укрѣпленнымъ закономъ гражданскимъ и освященными св. Церковію: онъ предполагалъ вступить въ бракъ... Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ! Въмѣсто брачныхъ свѣчей, убранныхъ цвѣтами искусства, мы окружаемъ тебя, нашъ братъ во Христѣ, со свѣчами заупокойными, орошаемыми неподдѣльными алмазами—каплями горячихъ слезъ близкихъ тебѣ родныхъ по плоти и духу... Брачнымъ ложемъ приготовлена тебѣ хладная могила, но въ эту могилу падутъ горячія слезы близкихъ тебѣ, которыя для тебя будутъ залогомъ вѣчной любви, нравственно связующей родныя души и заботливая природа къ тому времени, когда ты думаешь поставить брачную постель, уберетъ покровъ твоего безмятежнаго ложа зеленѣющимъ ковромъ...

Не скорбите... Но какъ не скорбѣтъ престарѣлымъ родителямъ и юнымъ сестрамъ, которые видѣли въ покойникѣ не только умнаго добраго сына и брата, но и опору въ жизни! Удержать скорбь при видѣ молодой жизни, скошенной неумолимою рукою смерти, выше естественныхъ требованій природы, выше влеченій родительскаго и родственнаго сердца...

Не скорбите, поясняетъ св. ап. Павелъ, *яко-же немощи уповающихъ*. Вотъ какая скорбь не прилична христіанину: Не скорбите какъ язычники, не имѣвшіе надежды на полную и лучшую жизнь за гробомъ. Скорбь же при разлукѣ съ дорогимъ сердцу такъ естественна человѣческой природѣ, что невозможно *воспротивити духу скорби*. Сердцевѣдецъ нашъ І. Христосъ, при гробѣ друга Своего, Лазаря, невольно отдалъ неизбежную дань человѣческой природѣ. Онъ возмущился духомъ и прослезился. Только скорбь безнадежная свойственна людямъ, которые подобно язычникамъ, не имѣютъ истиннаго понятія о безсмертіи и не надѣются на лучшее будущее за гробомъ,—холодное-же безчувствіе при видѣ смерти—принадлежность современнаго европейскаго язычества, которое потеряло всякую вѣру въ безсмертіе и подобно древнимъ безбожникамъ говоритъ: *самослучайно рождени есмь, и по семъ будемъ, яко-же не бывше...* (Прем. Сол. II, 1—5).

Христіанская-же скорбь сопровождается молитвою, укрѣпляющею въ человѣкѣ надежду на Бога. Христіанинъ въ печали не отчаивается, не ропщетъ, но съ полною покорностію волю Провидѣнія переноситъ скорбь, уповая на Бога Промыслителя, Который все въ мірѣ направляетъ къ лучшему, Кото-

рый мертвить и живить по святой Своей волѣ, основанной на предвѣдѣющей любви. Кто проникнетъ въ тайны домостроительства Божія? Кто рѣшится быть совѣтникомъ Ему, какъ лучше устроить судьбу того, или другаго человека?!

Судя по человѣчески, покойнику жить-бы только, служа опорой своему роду и пользуясь плодами своихъ трудовъ. И *тайна смерти* стоитъ предъ нами не объясняемою загадкою при видѣ угасшей молодой жизни. Мы далеки отъ того, чтобъ искать побочную причину смерти въ неудовлетворительномъ состояніи современной медицинской науки, мы чужды того, чтобъ изыскивать ближайшую, случайную причину смерти, сокрытую въ молодомъ организмѣ. Для научныхъ изысканій смерть остается тайною. Современныя науки о человѣческомъ организмѣ, признающія постоянный обмѣнъ вещества въ немъ, замѣну стараго новымъ, отживающаго живящимъ, дряхлага свѣжимъ, повидному допускаютъ постоянно свѣжую, не старѣющуюся жизнь. Наука не въ состояніи уяснить, почему частицы матеріи неодинако образуютъ человѣчскій организмъ въ дѣтствѣ, отрочествѣ, юнѣствѣ и мужескомъ возрастѣ. Особенно не понятна старость, который-бы не должно быть при постоянномъ обмѣнѣ матеріи. Для науки доступны только механическія, химическія и физическія проявленія въ организмѣ; что-же такое жизнь въ полномъ смыслѣ слова, что такое смерть въ ея ужасномъ для многихъ значеніи, — это такіе вопросы, которые разрѣшаются только при свѣтѣ вѣры. Почему явной человѣкъ въ бѣдной обстановкѣ, при слабомъ организмѣ, при худомъ питаніи, безъ воспоминанія о счастливомъ прошедшемъ, безъ темной даже надежды на будущее живеть до глубокой старости въ тягость себѣ и другимъ; а другой при безбѣдной обстановкѣ, при богатыхъ духовнымъ и тѣлесныхъ силахъ съ ясною надеждою на будущее умираетъ во цвѣтѣ лѣтъ, — это такая тайна, въ которую умъ человѣчскій не въ состояніи проникнуть безъ вѣры въ промыслительное Божественное предвѣденіе. Только при свѣтѣ откровенія, преподаваемаго намъ церковью; мы въ частныхъ случаяхъ можемъ отчасти поднять завѣсу, скрывающую тайну смерти молодой жизни. „*Кая житейская сладость пребываетъ печали непричастна? Кая-ли слава стоитъ на земли не преложна? Вся сныи немощнѣйша, вся соній прелестнѣйша*“ (Послѣд. погреб. стихир. Іоанна Дамас.). Вотъ что намъ Церковь отвѣчаетъ на наши недоумѣнія! Кто изъ живущихъ, повидному, въ полномъ довольствѣ, муждѣ печали; кто изъ превознесенныхъ на высоту ума, силы и власти непоколебимъ на земли? Здѣсь все измѣнчиво, скоропреходяще, все ничто въ сравненіи съ вѣчными благами. Жизнь полная, безмятежная за гробомъ. Кто изъ насъ въ частности не знаетъ, что въ брачныя вѣщцы вплетаются вѣщствъ съ розами и терніемъ... Временныя блага, награда земная какъ-бы умалетъ надежду на приобрѣтеніе благъ небесныхъ. Истинныя послѣдователи Іисуса

Христане должны и заботиться, чтобъ воспринять *мзду свою* здѣсь, ихъ *мзда многа на небесахъ* (Мат. V. 12; VI. 1—2). Если покойный только подготовлялъ себя къ жизни; если еще онъ не жилъ полною жизнью, то мы вѣруемъ, что жизнь полная раскрывается только за гробомъ и человекъ, подготовившій себя къ жизни образованіемъ и благочестіемъ, только тамъ можетъ вкусить полную радость, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія, гдѣ ничто не будетъ препятствовать безконечному развитію въ благочестіи и вѣденіи, собственно въ Боговидѣніи, единственномъ источникѣ истиннаго блаженства.

Преклонимъ же смиренно пытливый умъ и горестію пораженное сердце подъ крѣпкую руку Бога Промыслителя въ полной увѣренности, что каждый получитъ мзду по своему труду здѣсь-ли на земли, или тамъ—за гробомъ. Будемъ молить и частно и молитвою церкви да Господь Богъ, живыми и мертвыми обладай, душами владычествуя и тѣлесами упокоить новопреставляющагося раба Θεодора, во страстѣ живыхъ, и врата райскія да отверзеть и съ праведными сопричтетъ, яко благо и человекѡлюбець.

ПРОЩАЛЬНАЯ РѢЧЬ,

произнесенная Н. Θ. Одинцовымъ у гроба Θ. Е. Кошланова, предъ послѣднимъ цѣлованіемъ и выносомъ тѣла изъ храма на кладбище.

Дорогой другъ, мы знаемъ, какъ тяжело и тяжело было Тебѣ, Теодоръ Егоровичъ, сдѣлать съ недовѣріемъ въ душѣ, изумленіемъ на лицѣ и съ сожалѣніемъ и страхомъ въ сердцѣ встрѣтили мы всѣ вѣсть о твоей кончинѣ. Никто изъ насъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы общій жребій человечества такъ скоро вымалъ на твою долю. Всѣ силы твоей души были настолько живы и дѣятельны, насколько онѣ могутъ быть живыми въ молодости—встрѣтивъ вѣдѣть и Силою вѣдѣго тѣла, ослабшая иной разъ, никогда однако не возбуждалась въ насъ—вѣкъ знавшихъ тебя—опасенія за твою жизнь и всѣ мы были увѣрены, что ты, дорогой Θ. Е., еще долго, долго проживешь съ нами, дѣляя радость и горе нашей настоящей жизни. Такое убѣжденіе наше было тѣмъ сильнѣе, что живнѣ въ послѣднее время казалась готовою улыбнуться тебѣ и открыть широкую дорогу съ приглашеніемъ смѣло идти по ней. Но.... вдругъ все измѣнилось: скоротечная болѣзнь положила конецъ твоей жизни—ты умеръ, лежишь предъ нами во гробѣ и вотъ уже гробовая доска готова и навѣки